

**ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА “POWER” В РЕЧИ ПРЕЗИДЕНТА США
Б. ОБАМЫ НА САММИТЕ ЕС-США (Брюссель, 26 марта 2014 г.)**

И. В. Игнатова

**VERBAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF POWER IN PRESIDENT
B. OBAMA’S SPEECH AT THE EU-USA SUMMIT (Brussels, March 26, 2014)**

I. V. Ignatova

В статье анализируются способы актуализации концепта “power” в тексте одного из наиболее значимых в современной политической обстановке выступлений Б. Обамы, произнесенного в Брюсселе на Саммите ЕС-США (2014). Выявленные способы вербализации изучаемого концепта позволяют говорить о двойственной сущности власти, «власти для» и «власти над». Демократии руководствуются принципами «власть для» народа, общества, справедливости, равенства. Диктатуры преследуют собственные цели расширения властных полномочий как в одном национальном сообществе, так и за его пределами, реализуя установку «власть над».

The paper is devoted to the research of the concept of “power” as represented by the lexical units used in the speech given by B. Obama at the EU-USA Summit in Brussels (2014). The speech is pivotal in the current political situation. The found means of the verbal representation of the concept of power lead to the dual understanding of the essence of power as “power for” and “power over”. Democracies are subject to the idea of “power for” as taking into action the ideals of justice, fairness and equality of people. Dictatorships, being adherent to the ideal of “power over”, pursue their own goals in stretching their control over a community and far beyond it.

Ключевые слова: концепт, власть, вербализация, ключевое слово, противопоставление, «власть для», «власть над».

Keywords: concept, power, verbalization, key word, juxtaposition, “power for”, “power over”.

Важность политической коммуникации в развитии экономических, политических, культурных взаимоотношений между странами и отдельными представителями социума не вызывает сомнений. По справедливому замечанию М. Я. Блоха и Н. А. Резниковой, «политическая риторика способна налаживать и поддерживать дружеские отношения между теми или иными странами <...>, влиять на возникновение конфликтов между государствами и их разрешение либо мирным путем, либо с использованием военной силы» [1, с. 14].

Анализ современных работ в области политической лингвистики позволяет утверждать, что одним из типично актуализируемых в политических выступлениях концептов является концепт «власть» [2; 5 – 7]. Данный концепт является одним из самых сложных в силу своей неоднозначности и ценностной ориентированности.

Предметом анализа в данной статье стали словоназвание концепта “power”, а также слова, входящие в его ближайшее окружение в тексте выступления президента США Б. Обамы на Саммите ЕС-США 26 марта 2014 года [8]. Данный текст был выбран для изучения по ряду причин: 1) речь была произнесена в переломный момент в развитии международных политических отношений; 2) ярко иллюстрирует ценностные ориентиры западного общества; 3) отражает полярные взгляды на сущность и структуру власти; 4) содержит оценку событий и идеологий; 5) характеризуется значительной силой убеждения целевой аудитории.

В задачи настоящего исследования не входит политическая оценка выступления президента США на Саммите в Брюсселе, это выступление было выбрано только как образец современного реального речевого произведения, априори актуализирующего концепт

“power” в виду своей принадлежности к политическому дискурсу. Кроме того, текст данного выступления очень ярко демонстрирует правомерность существующей в философии теории о двух аспектах власти: «власти для» и «власти над» [4].

Первый этап исследования состоял в лексикографическом анализе слова-репрезентанта концепта “power” с целью уточнения основных семантических компонентов его значения. В результате были выделены ключевые слова, выражающие содержание этого слова в американском варианте английского языка (*ability, control (+political control), be in charge of (=responsibility), opportunity, strength, energy (+electricity), rule, right (+legal right), law, authority, influence, capacity, rich and important*), и синтезировано рабочее определение исследуемой лексической единицы: власть – это возможность и способность субъекта (богатого, сильного, важного или наделенного определенными полномочиями и обладающего необходимыми ресурсами и авторитетом) осуществлять контроль (или политический контроль), оказывать влияние, руководить объектом на основании закона или права [3].

На следующем этапе исследования транскрипт выступления президента США Б. Обамы на Саммите ЕС-США в Брюсселе 26 марта 2014 года, опубликованный на сайте газеты *The Washington Post*, изучался на предмет обнаружения в нем ключевых слов-вербализаторов концепта “power”. Такие слова обнаружались, их количественный подсчет позволил определить частотность использования в тексте выступления Б. Обамы типичных репрезентантов изучаемого концепта – 1,25 % от общего количества лексем данной речи, что свидетельствует об актуализации концепта “power” в исследуемом языковом материале, а

также о наличии значительного имплицативного потенциала при его вербализации.

Слово “power”, являющееся основным репрезентантом изучаемого концепта, оказалось не самым частотным – всего 10 % от общего количества словоупотреблений ключевых слов. Анализ ближайшего окружения лексемы “power” в тексте выступления позволяет заключить, что сущность власти состоит в сознательном, законодательно закреплённом делегировании собственной воли каждым гражданином государства субъекту власти, который этой властью распоряжается по собственному усмотрению с целью обеспечения защиты, управления, прогрессивного развития и процветания вверенного ему общества. Однако существует и искажённое, по мнению оратора, понимание сущности власти, в соответствии с которым граждане государства не настолько разумны, чтобы передавать властные полномочия субъекту власти, при этом последний насильно, через запугивание и притеснение инакомыслящих, диктует собственные цели и интересы обществу. Таким образом, уже при определении сущности власти необходимо отметить, что власть видится президенту США двояко, т. к. фактически в тексте речи актуализируется противопоставление двух систем государственного правления – демократии и диктатуры.

Демократия описывается как современная и прогрессивная форма правления, при которой власть добровольно, на правовой основе, делегируется государственным структурам и используется во благо народа не только одной страны, но и всего мира: *power is derived from the consent of the governed and that laws and institutions should be established to protect that understanding; a new architecture of peace around the world; free people around the world, the principles that have meant so much to Europe and the world must be lifted up.*

Диктатура же представляет собой традиционную, устаревшую, варварскую форму правления, при которой все решения принимаются всемогущим правителем вопреки желаниям народа и международным правовым актам: *older, more traditional view of power, <...> that ordinary men and women are too small-minded to govern their own affairs, that order and progress can only come when individuals surrender their rights to an all-powerful sovereign; through brute force; darker forces of the past; descent into barbarism.*

В рамках такого противопоставления описываются последние геополитические события в мире, которые автором выступления воспринимаются как чрезвычайно важные ввиду их потенциальной способности дестабилизировать международную обстановку и поставить под сомнение идеалы демократии: *a moment of testing for Europe and the United States and for the international order that we have worked for generations to build; even among the most civilized of societies on the surface, we saw a descent into barbarism.*

Интересен тот факт, что подобное противопоставление в тексте речи Б. Обамы осуществляется при описании всех сущностных структурных компонентов властных отношений. Так, демократический субъект власти имеет довольно широкое номинативное поле в тексте изучаемого выступления, причем все слова, обозначающие субъект власти, отражают коллектив-

ную форму правления, при которой гегемоном власти являются люди, граждане, президент и правительство как представители единой народной воли: *American people, country, we, band of colonialists, America, president of a country, European Union.* Необходимо отметить, что такой способ вербализации субъекта власти отражает ценностные ориентиры оратора-американца, для которого США является наилучшим образцом демократии.

Несколько меньшее значение придается демократиям других стран западного мира, которые воспринимаются как союзники в деле становления мировой демократии: *allies, Europe, family of democracies, governments.* Обращаясь к описанию демократических принципов правления как в США, так и в странах Евросоюза, оратор неоднократно упоминает разнзначную силу этих государств на мировой арене, причем сильными они становятся не за счет военной и экономической мощи (*not because of the strength of our arms or the size of our economies*), а благодаря вере в идеалы демократии и уважительному отношению к нормам мирового правопорядка (*these ideals that we affirm are true; we believe in human dignity, that every person is created equal <...> That is what we believe. That's what makes us strong; our enduring strength is also reflected in our respect for an international system*). Однако демократические идеалы не принимаются всеми странами мира безоговорочно, они нуждаются в защите, именно поэтому сила демократических государств состоит и в их членстве в НАТО – самой сильной организации, призванной обеспечивать защиту прав и свобод граждан во всем международном пространстве (*we must meet the challenge to our ideals, to our very international order, with strength and conviction; Sentinels stood vigilant in a NATO alliance that would become the strongest the world has ever known*).

В этой связи необходимо отметить, что ключевые слова “strength” и “strong” имеют довольно высокую частотность в тексте изучаемой политической речи – 16,3 %, что свидетельствует о значимости данной составляющей концепта власти в условиях его актуализации в указанном выступлении. Кроме того, демократические принципы правления описываются и при помощи таких ключевых слов, как “ability”, “responsibility” и “control” (частотность в тексте выступления – 6,1 %, 8,2 % и 2 % соответственно), анализ семантики и ближайшего лексического окружения которых позволяет сделать вывод о том, что демократия не имеет цели контролировать другие государства (*Make no mistake, neither the United States nor Europe has any interest in controlling Ukraine*), но должна быть способна на активные действия (*our ability to resolve our differences peacefully*) по защите прав граждан на свободный выбор путей развития их общества (*the ability of nations and peoples to make their own choices*). При этом страны НАТО несут ответственность за помощь во введении принципов демократического правления в ряде государств, в том числе таких, как Тунис, Бирма, Ирак, Косово, Ливия, Украина (*to enforce those laws; as we meet our responsibilities as individuals, we must be prepared to meet them as nations because we live in a world in which our ideals are going to be challenged again and again by forces that would drag us back into*

conflict or corruption). Однако, оратор отмечает, что не все действия демократических государств являются единственно верными и не подлежащими обсуждению (*neither the United States nor Europe are perfect in adherence to our ideals. Nor do we claim to be the sole arbiter of what is right or wrong in the world*), т. к. все люди могут ошибаться: *We are human, after all*.

Вербализация субъекта власти государств-диктатур в тексте выступления осуществляется при помощи слов *sovereign, leadership, government*, структура значения которых не содержит оценочных коннотаций. Однако все эти слова употребляются в словосочетаниях, отражающих негативную оценку: *all-powerful sovereign, a government that was stealing from the people instead of serving them [Ukraine], those accountable for its [Russia's] actions*. В ряде случаев субъект власти в диктатуре вербализуется через местоимения *they, them, those*, что интенсифицирует отрицательную оценку власти в диктатуре.

Объект власти в речи президента объективируется идентично при описании демократии и диктатуры: *individual, the governed, all men, and women, workers and engineers, people, citizens, young people*, единственным существенным отличием является то, что в диктатуре объект власти свободен и счастлив (*free, happiness*), а в диктатуре – бесправен (*individuals surrender their rights to all-powerful sovereign*).

Значительная роль в тексте анализируемого политического выступления (ключевые слова *right* – 26,5 %, *law* – 20,4 %) отводится описанию правового обеспечения государственной власти как в отдельных странах, так и во всем мире, опять же с сохранением противопоставления демократии и диктатуры. Если США и страны Западной Европы воспринимаются оратором как государства с правовым регулированием взаимоотношений субъекта и объекта власти, причем такая модель регулирования явилась результатом долгой истории развития правовых институтов (*through centuries of struggle, through war and enlightenment, repression and revolution*), то другие страны, такие как Россия и Ирак, подвержены влиянию устаревших тоталитарных идеалов, в результате пропаганды которых власть узурпирует права граждан своей страны вопреки их свободной воле (*...ordinary men and women are too small-minded to govern their own affairs, that order and progress can only come when individuals surrender their rights to an all-powerful sovereign*). При описании способов правления в условиях демократии и диктатуры Б. Обама затрагивает проблему политического кризиса в Украине, возникшего в результате стремления большей части населения отвергнуть устаревшие идеалы и принять новые, демократические идеи как правильный и прогрессивный путь развития общества (*...what the coming days will bring in Ukraine, but I am confident that eventually those voices for human dignity and opportunity and individual rights and rule of law, those voices ultimately will triumph*).

Значительное внимание в выступлении уделяется Б. Обамой описанию результатов приверженности правящих элит государств демократическим или дик-

таторским принципам правления. Страны-демократии в будущем видятся сильными вследствие развития промышленности, рыночных отношений, технологий, прогресса человеческой сущности, международных правовых институтов, процессов объединения и интеграции, отсутствия военных конфликтов (*less conflict, more prosperity and more freedom than any time in human history*). Диктатуры же обречены на дискриминацию граждан, военные конфликты, террористическую активность, регресс общества и экономики (*descent into barbarism; war between peoples; sent a generation to their deaths; allowed terrorists to kill on a horrifying scale; politics that too often targets those who seem somehow different*).

Несмотря на такую полярность идеалов демократии и диктатуры, президент Б. Обама придерживается взгляда о возможности международного диалога (*the Russian people will recognize that they cannot achieve the security, prosperity and the status that they seek through brute force*), однако условием развития последнего является возвращение России в поле международных правовых отношений, для чего страны-демократии должны предпринять всевозможные меры (*we will combine our substantial pressure on Russia with an open door for diplomacy*).

Итак, анализ способов вербализации концепта “power” в тексте выступления Б. Обамы на Саммите США-ЕС в Брюсселе позволяет заключить, что все сущностные компоненты власти как социально-политического института (субъект, объект, властные отношения, способ и результат правления) вербализованы посредством ключевых слов, используемых с различной частотностью в речи президента. Предлагаемая далее диаграмма схематически отражает частотность использования ключевых слов при вербализации изучаемого концепта в конкретной речи президента (рис.).

Изучение частотности употребления ключевых слов-актуализаторов концепта “power” позволяет утверждать, что основное содержание изучаемой ментальной сущности в речи Б. Обамы объективируется посредством слов *right, law, strength, power, responsibility*, что, вероятно, свидетельствует о том, что основной интенцией говорящего явилось доказательство незаконности политических действий России на международной арене, а также возможности и необходимости нести ответственность за приведение ситуации в поле международного права, возлагаемую на страны-демократии.

Итак, выявленные способы вербализации изучаемого концепта позволяют говорить о двойственной сущности власти, «власти для» и «власти над». Демократии руководствуются принципами «власть для» народа, общества, справедливости, равенства, мира во всем мире, развития международного сотрудничества и рыночной экономики. Диктатуры преследуют собственные цели расширения властных полномочий как в одном национальном сообществе, так и за его пределами, реализуя установку «власть над».

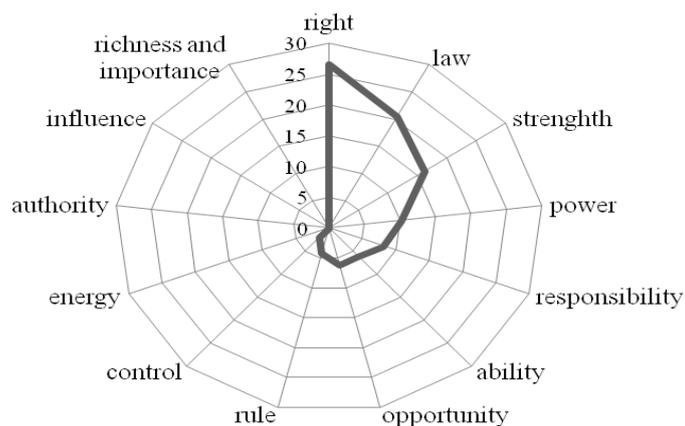

Рис. Частотность словоупотреблений слов-вербализаторов концепта "power" в речи президента Б. Обамы на Саммите ЕС-США (Брюссель, 2014)

Литература

1. Блох М. Я., Резникова Н. А. Средства эмоционального воздействия политических выступлений // Вестник ТГПУ. 2006. Вып. 9(60). (Серия: Гуманитарные науки (Филология)). С. 14 – 19.
2. Гогенко В. А. Власть как языковой концепт // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. (Серия: Общественные науки). Ростов-на-Дону: Изд-во: Южный федеральный университет, 2011. № 2. С. 103 – 105.
3. Игнатова И. В. Лексикографическое отражение концепта «власть» // Актуальные проблемы коммуникации и культуры-3: сб. научных трудов российских и зарубежных ученых. М.; Пятигорск, 2006. С. 156 – 160.
4. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с. Режим доступа: <http://iph.ras.ru/uplfile/socep/macht.pdf> (дата обращения: 14.02.15).
5. Моргун О. М. Критический дискурс-анализ в методологии политической науки // Политическая лингвистика. Вып. 3(37). М., 2011. С. 122 – 128. Режим доступа: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling37/ling37_19.pdf (дата обращения: 11.03.15).
6. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. Вып. 2(40). М., 2012. С. 53 – 59. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-12.htm> (дата обращения: 12.01.15).
7. Шапочкин Д. А. Дискурс власти: лингвокультурологический аспект // Вестник Тюменского государственного университета. (Серия: Языкознание). Вып. 10. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2013. С. 117 – 122.
8. Obama V. President Obama gives speech addressing Europe, Russia on March 26: transcript // The Washington Post, 2014. Режим доступа: http://www.washingtonpost.com/world/transcript-president-obama-gives-speech-addressing-europe-russia-on-march-26/2014/03/26/07ae80ae-b503-11e3-b899-20667de76985_story.html (дата обращения: 30.09.14).

Информация об авторе:

Игнатова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ТГПУ им. Л. Н. Толстого, irene16@yandex.ru.

Irina V. Ignatova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English Philology of TSPU named after L. Tolstoy.

Статья поступила в редколлегию 27.03.2015 г.